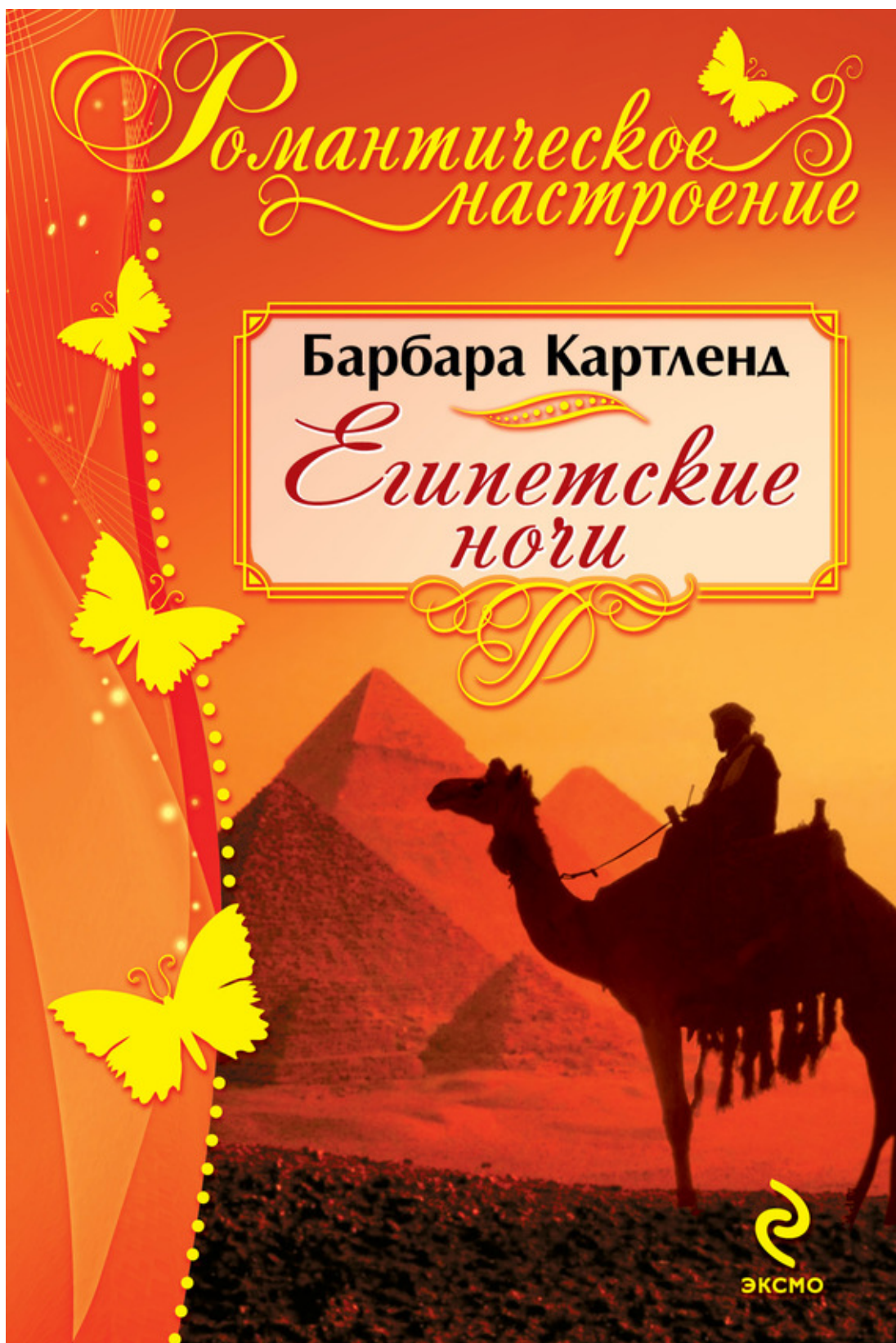

Романтическое
настроение

Барбара Картленд

Египетские
ночи

Барбара Картленд Египетские ночи

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3261255

*Египетские ночи : роман / Барбара Картленд ; [пер. с англ. Ю. А. Бушуевой] : Эксмо; Москва; 2012
ISBN 978-5-699-55742-4*

Аннотация

Лидия уже смирилась с тем, что ей не суждено познать любовь. Но чувство – глубокое и ошеломляющее – внезапно настигло ее. Лишь одна преграда отделяет молодую женщину от счастья – ее возлюбленный женат. Отправляясь в далекий, таинственный Каир, Лидия не подозревает, что именно там найдет свою судьбу.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	8
Глава 3	14
Глава 4	17
Глава 5	22
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Барбара Картленд

Египетские ночи

Когда мы встречаем свою любовь, страх, который таится в каждом сердце, обрушивается на нас, словно обжигающий ветер.

Глава 1

1938 год

Лидия Брайант положила на рычаг телефонную трубку и застыла на месте.

Было уже далеко за полдень, и в узком, похожем на колодец холле уже становилось темновато. Свет проникал лишь через стеклянную крышу. За забрызганным каплями дождя стеклом, наполняя комнату загробным полумраком, нависло хмурое небо. Казалось, Лидия навеки погребена в этом мрачном, безмолвном доме, к которому давно уже питала неприязнь, граничущую с ненавистью.

Лидия погрузилась было в грустные раздумья, но тут ей неожиданно пришло в голову: боже, ведь она наконец свободна!

Она все никак не могла этого осознать, поверить в известие, которое только что сухо, по-солдатски прямо сообщил ее деверь.

– Сегодня утром Дональд умер, – отчеканил тот в телефонную трубку. – Организацию похорон беру на себя. Они состоятся в пятницу. Подробности сообщу позднее.

Дональд умер!

Если быть до конца честной с самой собой, не кривить душой, следует признать: она уже давно этого ждала. И все же теперь, когда этот миг настал, она могла вспомнить мужа лишь в тот день, когда впервые увидела его почти семь лет тому назад – высокий, подтянутый, он смотрел на нее с высоты своего немалого роста.

«Какой красавец!» – подумала Лидия в первые секунды знакомства, когда их представили друг другу и Дональд задержал ее руку в своей чуть дольше положенного приличиями.

Период ухаживания был недолгим. Всего через два месяца после их первой встречи Лидия уже шла к алтарю в маленькой, сложенной из серого камня деревенской церкви. Так она стала женой Дональда Брайанта. И сейчас она вспоминала первые недели их супружеской жизни – вернее, они промелькнули перед ее мысленным взором как череда счастливых мгновений. Вот Дональд плывет рядом с ней в лазурных водах Средиземного моря. Вот они загорают на нагретых жарким солнцем камнях. Смеются над ее неловкими попытками освоить катание на акваплане. Вот он обнимает ее – властно и страстно, как требовательный любовник.

Она любила его, однако к ее чувству всегда примешивался привкус страха, причем не только из-за разницы в возрасте, как считали ее подруги, – семнадцать лет – разница существенная, – но и потому, что в нем было нечто такое, что заставляло ее съеживаться, отстраняться от мужа – даже в самые интимные и страстные мгновения.

В том, что касалось физической близости, любая девушка сочла бы Дональда чересчур страстным, если не сказать необузданным.

Едва миновали первые сладостные дни медового месяца, Лидия поняла, что, хотя она действительно любит мужа, во многом Дональд по-прежнему остается для нее чужим, человеком, которого она скорее боится, нежели понимает.

В его поведении с самого начала было немало странностей, вспоминала она теперь, но лишь со временем дали о себе знать приступы головной боли.

Постепенно они делались все сильнее, за ними следовали периоды раздражительности, упадка духа и беспричинных придилок к жене, и в конце концов Дональд изменился до неузнаваемости. В нем почти не осталось ничего человеческого. Он превратился в чудовище, при виде которого ей от ужаса хотелось сжаться в комочек и забиться в самый дальний угол, лишь бы не попадаться ему на глаза...

Медленно, словно пробуждаясь от ночного кошмара, который все еще владел ею, Лидия прошла через холл и открыла дверь, ведущую в гостиную.

Шторы не были задернуты и не скрывали от глаз унылый, дождливый пейзаж, однако в камине, наполняя комнату теплым, приветливым светом, ярко пылал огонь.

Казалось, она снова слышит мягкий голос доктора, сообщающий ей вердикт, вынесенный лондонским светилом после долгого и тщательного обследования.

– Ваш супруг получил на войне легкое ранение, миссис Брайант, – сказал тогда врач. – Оно показалось хирургам столь незначительным, что его решили не отправлять в тыл, а сочли возможным лечить в полевом госпитале и даже признали годным к дальнейшей службе. Но осколок шрапнели сместил небольшую кость, и это стало причиной нынешних осложнений.

Заметив, как потухла надежда на побелевшем лице Лидии, врач добавил:

– Простите, но уже ничего сделать невозможно.

Вряд ли доктор тогда понимал, что приговаривает молодую женщину к жизни, полной страданий. Дональд не единожды погружался в безумие, и Лидии оставалось лишь терпеть эти страшные муки.

Ее терзал кошмар ожидания, при каждом расставании она мучительно пыталась представить – каким он будет, когда они встретятся вновь.

Иногда на три-четыре недели к ней возвращался прежний Дональд – обаятельный, тактичный, – но затем первые признаки безумия, вызывавшие у Лидии нешуточные опасения, вновь давали о себе знать. Дрожащие пальцы, чрезмерное возбуждение, яростные перебранки с прислугой, нелепые подозрения насчет соседей и всех, с кем ему приходилось общаться.

Весь день напролет Лидия жила в постоянном напряжении и страхе и часто уединялась у себя в комнате, вознося молитвы Всевышнему:

– Господи, сделай так, чтобы все прошло – раз и навсегда. Не допусти, чтобы ему стало хуже!

Увы, периоды спокойствия вновь сменялись бурей. Сердитый голос, повышенный тон, грубость, насилие и как следствие – раскаяние и слезы. Год проходил за годом, и в душе Лидии росла неприязнь, которая позднее выродилась в ненависть – особенно к неприятным сценам раскаяния.

Было нечто унижительное в манере Дональда, кающегося в своих прегрешениях. Порой синяки казались Лидии предпочтительнее поцелуев, которыми муж словно пытался уничтожить следы недавнего рукоприкладства.

Лидия все сильнее ощущала, как в ней едва ли не с каждым днем нарастает отчужденность, как она все больше и больше отдаляется от Дональда. В конечном счете ей стало ясно: как ни пытайся она убаюкивать себя ложью, на смену безразличию пришла ненависть. Господи, на сколько ей хватит сил и терпения и дальше жить рядом с ним? Ведь рано или поздно страдания наверняка перейдут меру, и тогда помощь понадобится ей самой. На ее счастье, судьба избавила Лидию от подобного унижения.

Во время очередного припадка безумия – из тех, когда Дональд становился неуправляемым и уже не отвечал за свои действия, – он тяжело покалечил одного из работников. После этого случая его увезли в частную психиатрическую клинику.

Сначала Лидия навещала больного супруга – его семья ожидала от нее соблюдения приличий. Раз в месяц она отправлялась на машине туда, где на высоком холме, с которого открывался вид на всю долину, стояла клиника, где практически в полной изоляции от окружающего мира теперь обитал Дональд.

Обычно, подъезжая к огромному уродливому особняку красного кирпича, Лидия ловила себя на том, что сбрасывает скорость, стараясь как можно больше оттянуть момент встречи с мужем.

Она боялась этих встреч, а дни, когда к Дональду почти возвращался разум, ненавидела даже больше, чем те, когда он едва узнавал ее, и ей начинало казаться, что она не имеет к этому человеку никакого отношения. Неужели она когда-то была за ним замужем? Неужели когда-то она любила его?

Но со временем ее визиты начали отрицательно сказываться на нем.

– К сожалению, ему становится только хуже после ваших приездов, – пожаловались ей сиделки.

Наконец ее попросили больше не приезжать в клинику.

Лидии некому было признаться, как она рада, что избавлена теперь от необходимости навещать мужа. Самыми близкими родственниками Дональда были его старший брат с женой.

Они никогда не одобряли этого брака, и хотя и считали своим долгом поддерживать отношения с невесткой, между ними не было ни искренности, ни признаков дружелюбия, ни капли человеческого тепла.

Брат Дональда, полковник Брайант, ежеквартально присылал Лидии чек на небольшую сумму, всякий раз сопровождая посылку просьбой придерживаться строгой экономии.

Когда же он взял в свои руки бразды правления в доме и поместье, Лидия была благодарна ему и даже пыталась оплачивать свои текущие расходы из собственных скромных средств, тех денег, что достались ей в наследство после смерти родителей.

Осиротевшую в шестнадцать лет Лидию воспитал брат матери, настоятель небольшой церкви в Шропшире.

Он умер через два года после ее свадьбы, и с его кончиной она оказалась одна, без родственников, если не считать нескольких троюродных сестер, которые были слишком заняты собственной жизнью, чтобы интересоваться ее делами.

Лишь одному человеку Лидия писала письма – Эвелин Маршалл, подруге матери. Ответные письма всегда были полны глубокой любви и здравого смысла и помогали ей справляться с тяготами ее нынешнего существования.

Миссис Маршалл также присылала ей книги. В годы тоскливого одиночества они стали для Лидии верными спутниками и друзьями, скрашивавшими ей жизнь.

Окруженная людьми, созданными исключительно ее воображением, она жила иллюзиями – ела, спала и читала, проворно передвигалась по безмолвному дому, в котором когда-то провела несколько счастливых лет, будучи молодой женой.

Кто мог предвидеть, что Дональд когда-нибудь станет таким, каким она видела его в последний раз? Тогда перед ней был – нет, не человек, а животное. Вернее, дикий зверь, который в припадке безумия, рыча, пытался растерзать ее своими сильными руками.

В камине громко стрельнул уголек. От неожиданности Лидия вздрогнула, затем встала, пригладила волосы и включила свет.

Взгляд ее упал на висевшее над камином зеркало, и она увидела в нем собственное отражение – темно-синие глаза, темные волосы, зачесанные назад, открытый высокий лоб.

«Мне уже двадцать семь, – подумала она. – Двадцать семь! И вот придется начинать жизнь заново».

Неожиданно со скрипом открылась дверь. Лидия резко обернулась, будто устыдившись того, что кто-то мог увидеть, что она разглядывает себя в зеркале. Но нет, это всего лишь слуга принес чай.

Какое-то время Лидия наблюдала за тем, как он ставит на стол серебряный чайник и тарелки с сэндвичами и пирожными, к которым она редко притрагивалась, и вдруг неожиданно для себя сказала:

– Я получила известие от полковника Брайанта, Маршэм.

Эти слова вырвались совершенно случайно, против ее воли, и она тут же умолкла, как будто у нее перехватило в горле. Однако Маршэм проявил должное понимание.

– Известие о хозяине, мадам? – участливо спросил он, глядя ей в глаза.

Лидия кивнула.

– Когда полковник в последний раз был здесь, он сказал, что брат плох. Я ожидал этого, мадам.

Слуга глубоко вздохнул, и Лидия поняла: с его стороны это был самый корректный и общепринятый способ выразить соболезнования. Внезапно она почувствовала, что теряет над собой власть.

В следующее мгновение Лидия с криком развернулась и бросилась вон из комнаты. Она взбежала вверх по лестнице, скорее нащупывая, чем видя перед собой ступеньки, и, влетев в спальню, сильно, со стуком захлопнула за собой дверь. Чувствуя, как по щекам струятся слезы, а тело сотрясают рыдания, она бросилась на постель. Но, даже горько рыдая, даже понимая, что теряет контроль над собой, Лидия отдавала себе отчет в том, что плачет скорее от облегчения, чем от горя.

– Я свободна, – повторяла она сквозь рвущиеся из горла рыдания. – Я свободна!

И от звука собственного голоса ей становилось стыдно.

Глава 2

Сидя в вагоне поезда, который шел до Вустера, Лидия смотрела в окно.

Она совершенно не представляла себе, что ждет ее в будущем. Знала лишь, что все ближе и ближе подъезжает к дому Эвелин Маршалл, чувствовала, что с каждой минутой в ней возрождается прежняя надежда на лучшее, возвращается былая энергия.

Казалось, тяжкий груз, так давивший ей на плечи, куда-то исчез, свинцовые тучи тоски и одиночества окончательно рассеялись. Впервые за много лет она почувствовала себя молодой и готовой радоваться жизни.

В ответ на письмо Лидии, в котором та сообщала, что наконец обрела свободу, Эвелин прислала неожиданную и лаконичную телеграмму.

*Жду. Приезжай как можно скорее. Сообщи дату приезда. С любовью,
Эвелин.*

«Это абсолютно в духе Эвелин», – подумала Лидия, читая телеграмму, и невольно улыбнулась.

Эвелин Маршалл всегда принимала решения быстро, но взвешенно, и они не предполагали ни отказа, ни сомнений.

Как и все остальные знакомые Эвелин, Лидия была готова, не испытывая угрызений совести, переложить бремя своих забот на ее плечи, передоверить ей право разрешать трудности, которые ей самой в данный момент представлялись непреодолимыми.

Когда Лидия и Дональд поженились, он без околичностей объявил, что она непременно должна родить ему ребенка. В случае, если она не подарит ему наследника, по его смерти все его деньги и имущество – и счета в банке, и недвижимость – переходили по завещанию семье его брата.

Овдовев после семи лет супружества, Лидия осталась с теми же скромными средствами, какие были у нее до свадьбы. Двести фунтов в год, завещанные отцом, однако если принять во внимание колебания курса, ее доход часто бывал существенно меньше.

И вот теперь ей нужно было как можно скорее принять решение относительно собственного будущего. Чем же ей заняться? Надо признать, Лидия ощущала себя совершенно непригодной к какой бы то ни было деятельности, но ведь чем-то заниматься, где-то работать все равно придется.

Лет пятьдесят назад она могла бы рассчитывать лишь на место гувернантки с самым скромным жалованьем, но кому нужны гувернантки в наши дни, когда школы обеспечивают куда более высокий уровень образования?

Собственное положение казалось ей почти безнадежным, и Лидия была благодарна судьбе за то, что в данный момент могла отложить все неурядицы до встречи с Эвелин.

С любым другим хорошо знакомым человеком и даже подругой, с которой они не виделись много лет, разговор мог оказаться довольно трудным. Но только не с миссис Маршалл.

Едва они покинули узкие улочки Вустера и покатали по сельской дороге, Лидия приступила к рассказу о последних годах своей жизни и, как и ожидала, нашла в Эвелин внимательную и участливую слушательницу.

Они ехали, пока не достигли высокой гряды холмов, возвышавшейся над городком Малверн, после чего свернули в долину, посреди которой широкий Северн сливался с узкой, неторопливой рекой Эйвон. Там, в небольшой деревушке, где стояло всего несколько десятков черно-белых домиков, находился дом Эвелин, носивший гордое название «Фор Эрроуз» – «Четыре стрелы».

Эвелин подъехала к самому крыльцу из массивных дубовых досок. Когда машина остановилась, на пороге показалась улыбающаяся служанка. Заглушив мотор, Эвелин Маршалл повернулась к госте.

– Добро пожаловать в наши края, – ласково сказала она.

Проснувшись, Лидия обнаружила, что сквозь ситцевые занавески к ней в спальню проникает свет раннего осеннего утра.

Несколько секунд она лежала неподвижно, припоминая события вчерашнего дня. Ее переполняла необъяснимая радость, неведомое ей ранее чувство гармоничного единения с окружающим миром.

Затем, с неожиданным приливом энергии, Лидия вскочила с постели, босиком прошла по устланному голубым ковром полу и раздвинула занавески.

Над рекой таял утренний туман, а вдали, на фоне безоблачного неба, четко вырисовывались очертания гор.

Лидия надолго застыла у окна, потом, удовлетворенно вздохнув, отправилась на поиски ванной комнаты. Ее переполняла необъяснимая уверенность, что новый день сулит немало приятного.

– Хорошо выспалась? – поинтересовалась Эвелин, когда Лидия спустилась в столовую, и, заметив улыбку на лице госты, добавила: – Можешь не отвечать. И так все понятно. Сегодня ты выглядишь совершенно другим человеком, не то что вчера.

– Я прекрасно себя чувствую, – призналась Лидия. – О, Эвелин, дорогая, я так рада, что оказалась здесь.

– А я рада снова видеть тебя у себя в доме, – ответила Эвелин.

Закончив завтрак, они сразу же сели в машину и отправились в больницу, куда Эвелин нужно было доставить несколько посылок. Справившись с этим делом, хозяйка «Фор Эрроуз» развернула автомобиль, но не в сторону дома, а в направлении гор.

– Вы везете меня в какое-то определенное место? – любопытствовала Лидия. – Или мы едем куда глаза глядят?

– В определенное, – коротко ответила Эвелин.

Она не стала вдаваться в подробности, и Лидия решила не выпрашивать, куда именно они едут, чувствуя, что, когда придет время, старшая подруга сама все расскажет.

Эвелин вела машину быстро, хотя и осторожно, по узким дорогам мимо крошечных деревенок с очаровательными черно-белыми домиками. Вскоре старинный дорожный указатель сообщил, что они приближаются к Литтл Гудли. В очередной деревушке путешественниц ждала небольшая церковь из серого камня, стоявшая возле деревенского парка. Тут же располагались кузница и пивная, где в прежние времена «заправлялись» кучера дилижансов.

Вокруг стояли домики с миниатюрными ухоженными садами, а чуть дальше виднелись чугунные кованые ворота, за которыми пролегла короткая березовая аллея. Одна створка стояла открытой, и Эвелин въехала в ворота. Вскоре они остановились перед каким-то домом.

Стекла множества окон сверкали в лучах утреннего солнца, придавая строению неуловимо сказочный вид. Такой удивительно красивый дом Лидия видела впервые.

Это была постройка шестнадцатого века, без малейших следов поздних пристроек или реконструкции, которые наверняка изуродовали бы его первозданный вид.

– Какой прекрасный дом! – восхитилась Лидия. – Кто здесь живет?

Не успела она договорить, как поняла, что дом необитаем. Переплеты у некоторых окон отсутствовали, кое-где оконные проемы были заколочены досками. На входной двери висел замок, будто в качестве двойной защиты от непрошенных гостей.

Дом окружал запущенный сад, тропинки успели по колено зарости травой. Лохматый кустарник, давно не знавший садовых ножниц, разросся во все стороны.

– Как грустно видеть такую красоту в столь плачевном состоянии! – вздохнула Эвелин.

– Странно, почему тут никто не живет? – в свою очередь удивилась Лидия. – Первый раз вижу такую прелесть! А можно войти внутрь?

Эвелин отрицательно покачала головой:

– Боюсь, что нет.

– Расскажите мне про этот дом, – попросила Лидия свою спутницу.

Эвелин подъехала к входной двери и выключила мотор.

– Это особняк «Литтл Гудли», – начала она свой рассказ. – Дом, вместе с большей частью прилежащей земли, принадлежал семейству Карлтон со дня постройки. Пять лет назад генерал Карлтон умер, с тех самых пор особняк стоит под замком в том виде, как ты сейчас видишь. Теперь в нем никто не живет.

– Но разве нет никого из наследников? – удивилась Лидия.

– Наследник есть, – ответила Эвелин. – У генерала остался сын по имени Джеральд, который здесь вырос. Думаю, он любил этот дом не меньше, чем отец.

– А с ним что случилось? – не могла успокоиться Лидия. – Где он сейчас?

– За границей, – ответила Эвелин. – Это долгая история, но я тебе расскажу, потому что каким-то боком это касается и тебя.

– Меня? – переспросила Лидия и оборвала сама себя: – Нет, не буду мучить вас вопросами. Расскажите все по порядку.

– Когда Джеральд Карлтон достиг совершеннолетия, – начала Эвелин, – а было это двенадцать лет назад, в особняке устроили грандиозный праздник. Я присутствовала там в числе прочих гостей. Среди всех этих торжественных речей, пожеланий, тостов, всеобщего веселья больше всего меня поразила искренняя привязанность Джеральда к родителям.

Что неудивительно, ведь миссис Карлтон была одной из самых красивых и обаятельных женщин на свете, а муж ее пользовался широкой известностью. Его узнавали всюду, где бы он ни появлялся.

Между родителями и сыном, который появился на свет довольно поздно, несомненно, существовала глубокая духовная связь. Большую часть жизни генерал провел за границей и семьей обзавелся поздно.

В тот вечер я покинула особняк генерала Карлтона с радостным чувством, что в этом доме царит нерушимая семейная гармония, однако не прошло и года, как идиллия разбилась вдребезги, и виной тому стала одна женщина.

Примерно в пяти милях отсюда находится замок Таверель. Владел им сэр Джон Таверель, который в те дни был еще и «хозяином гончих», то есть главой местного охотничьего общества, и одним из важных людей графства.

С леди Таверель юный Джеральд познакомился, скорее всего, на охоте, ведь родители его не особенно стремились к общению со своими более знатными соседями. Маргарет Таверель была хороша собой. И гораздо моложе своего мужа. Насколько мне помнится, было ей тогда лет тридцать пять.

Я как сейчас помню ее золотистые волосы и темно-голубые глаза, которые вскружили голову не одному мужчине. Сначала люди посмеивались над тем, что юный Джеральд Карлтон без стеснения выказывал симпатию к этой женщине. Он неотступно следовал за ней, можно сказать, стал ее тенью.

Сэр Джон был человек занятой и не вполне отдавал себе отчета в происходящем. Не могу сказать, что он был сильно против, чтобы у жены были поклонники. Он просто закрывал на это глаза, а если и выражал какое-то недовольство, то делал это втайне от окружающих и никогда – на публике.

Вероятно, по молодости Джеральд оказался более смел в проявлении чувств к замужней женщине, чем другие, более опытные кавалеры. Как бы то ни было, но очень скоро об

этом романе уже судачила вся округа. Однако, мне кажется, лишь немногие верили в серьезность их отношений.

Я знала Маргарет много лет, и в общем она мне нравилась. Хотя, честно говоря, я считала ее самой недалекой и пустой из всех знакомых мне женщин. Впрочем, невозможно было отрицать ее несомненную красоту, обаяние и обходительность, благодаря которым она умела расположить к себе самых разных людей.

Как-то раз она зашла ко мне, и пока мы с ней разговаривали, слуга доложил о прибытии Джеральда.

Она, очевидно, ждала его появления, тогда как для меня его приход явился полной неожиданностью. Признаться, меня не на шутку встревожила их общая радость при встрече у меня в доме. На их лицах безошибочно читалась взаимная симпатия. Но затем я решила, что мои тревоги смехотворны. Джеральд был еще неопытным юношей, Маргарет – женщиной средних лет. Я видела, что они уехали от меня вместе, но когда, проводив их, вернулась в дом, то выбросила все это из головы.

А через два дня узнала, что они сбежали.

Сказать, что я была поражена, значит не сказать ничего. Я никак не могла предположить от этой парочки такой дерзости, хотя знала Джеральда еще ребенком, да и Маргарет – уже не первый год.

Генерал и его супруга были убиты горем, но, как и все остальные, ждали, как отреагирует на бегство жены сэр Джон.

Но больше всего людей шокировало другое: у Маргарет был ребенок, девочка семи лет. Я всегда считала, что Маргарет любит свою малышку Энн.

Рассказывая тебе эту историю, Лидия, я не хочу, чтобы тебе показалось, будто я осуждаю Маргарет за этот безрассудный поступок. Хотя, говоря откровенно, мне нелегко удержаться от резких суждений. Она ведь была старше Джеральда, а его трудно было назвать в полном смысле мужчиной. Впрочем, объективности ради скажу: теперь мне несложно посмотреть на эту историю с ее точки зрения.

Тогда Маргарет еще не утратила красоты. Она все еще жаждала любви и обожания, как и пятнадцать лет назад, когда вышла замуж за сэра Джона. Мне думается, их брак дал трещину вскоре после того, как Маргарет встретила Джеральда.

С таким человеком, как ее супруг, ей было жить сложно. Джеральд обладал несомненными интеллектуальными достоинствами. Маргарет умом же не отличалась, однако была на редкость хороша собой. Все, что она могла предложить мужчине, это красивое лицо и прекрасную фигуру.

Она требовала от жизни немногого, на самом деле ей нужны были лишь лесть и восхищение, а еще мужчина, который был бы постоянно в восторге от ее общества. Ничего из этого муж ей предложить не мог.

А еще ее страшила мысль, что годы идут и она может состариться среди роскоши и величия замка Таверель. Молодость и приятная внешность Джеральда потрясли ее до глубины души, и она без колебаний сбежала с ним, ни секунды не подумав, к чему это может привести.

Эвелин сделала паузу, открыла сумочку и достала сигареты.

– Так что же произошло? – спросила Лидия.

– Ничего, ничего особенного, – ответила собеседница. – В том-то и трагедия.

– Сэр Джон с ней развелся?

– Нет, он наотрез отказался, хотя генерал Карлтон приезжал к нему и умолял дать Маргарет развод.

– Какой ужас, – проговорила Лидия. – И что же они сделали?

– Уехали за границу, – ответила Эвелин, – и первое время, насколько я знаю, были счастливы. А потом, два года спустя, случилась трагедия. Они уже жили в Каире, когда Маргарет во время верховой прогулки упала с лошади.

– И погибла? – спросила Лидия.

– О, уж лучше бы она погибла! Нет, она осталась жива, но получила серьезную травму позвоночника. Врачи сказали Джеральду, что Маргарет больше никогда не встанет на ноги.

Думаю, это был нелегкий момент, причем не только для него самого. Перед Джеральдом встала необходимость сообщить женщине, которой он искренне восхищался – и не только ее очаровательной внешностью и обаянием, – что остаток жизни она будет прикована к инвалидному креслу.

Они купили дом в пригороде Каира и живут там до сих пор. Три года назад сэр Джон скончался. После его смерти Джеральд и Маргарет сразу же поженились.

Эвелин сделала паузу и кинула взгляд из окна машины на особняк.

– К тому времени, – продолжала она, – родители Джеральда тоже отошли в мир иной, и мне почему-то кажется, что они наверняка были бы счастливы, если бы сын еще при их жизни сочетался с Маргарет законным браком. Они знали, что, пока этот союз не освящен церковью, Джеральд ни за что не вернется домой.

– И он так и не вернулся? – уточнила Лидия.

– Нет, – подтвердила Эвелин. – Думаю, он бы сильно опечалился, увидев родной дом, если, конечно, он не очень изменился за эти годы и не очерствел душой.

– Но какое отношение эта история имеет ко мне? – поинтересовалась Лидия, не в силах больше сдерживать любопытство.

– Надеюсь, ты помнишь, – медленно проговорила Эвелин, – что я упомянула о ребенке, девочке, которую Маргарет оставила в Англии. Ее зовут Энн Таверель. В те дни ей было семь, а теперь уже восемнадцать. Ее, разумеется, воспитывал отец. Сэр Джон завещал Энн свое состояние, распоряжаться которым самостоятельно, не спрашивая разрешения у назначенных им опекунов, она может по достижении восемнадцати лет. После этого он уже не властен препятствовать ее свиданию с матерью, если она того пожелает.

В конце месяца Энн отправляется морем в Каир для встречи с матерью, с которой они не виделись одиннадцать лет. Энн решила на время покинуть Англию и перебраться к Маргарет.

На прошлой неделе, за два дня до того, как я получила твое письмо, мне принесли письмо от Маргарет. Она просила меня найти кого-нибудь, кто мог бы присмотреть за ее дочерью во время долгого путешествия, причем не только сопроводить Энн до Каира, но и стать для нее компаньонкой.

Я мысленно перебрала всех, кто мог бы выступить в подобной роли, и тут приходит твое письмо, я тотчас поняла: ты – самая подходящая кандидатура, идеальное решение проблемы. Вот поэтому я привезла сегодня тебя сюда и рассказала эту историю. Мне хотелось, чтобы ты узнала все, прежде чем встретишься с Энн.

– Но, Эвелин, – возразила Лидия, – смогу ли я надлежащим образом присматривать за юной дочерью сэра Джона? Получится ли из меня достойная компаньонка?

Эвелин снисходительно улыбнулась и легонько похлопала собеседницу по руке.

– По-моему, ты идеально подходишь на эту роль. Более того, надеюсь, что ты будешь благотворно влиять на Энн. Да и лично для тебя было бы полезно и поучительно пообщаться и с ней самой, и с представителями каирского общества.

Лидия улыбнулась. Как это в духе Эвелин!

– Польза от взаимного общения, – задумчиво произнесла Лидия и, секунду помолчав, добавила: – Мне уже заранее страшно.

– Думаю, тебе нет причин бояться Маргарет Карлтон, – решительно возразила Эвелин. – О Джеральде ничего не могу тебе сказать. В последний раз, когда я его видела, это был очаровательный жизнерадостный молодой человек двадцати двух лет. Теперь ему тридцать четыре.

– Расскажите мне об Энн, – попросила Лидия.

– Она – просто милашка, – с воодушевлением ответила Эвелин. – Очень хорошенькая, очень порывистая и, главное, привыкла всегда и во всем добиваться своего.

– О боже! – вздохнула Лидия.

– Впрочем, ты сама ее увидишь и составишь свое представление, – произнесла Эвелин и выбросила сигарету. – Сегодня Энн придет ко мне на чай, и ты сможешь с ней сама все обсудить.

– Но что, если я ей не понравлюсь? – с тревогой в голосе поинтересовалась Лидия.

– Понравишься, – заверила ее Эвелин.

Развернув машину, они поехали прочь от особняка. За всю обратную дорогу не было сказано больше ни единого слова.

Глава 3

Энн была определенно мила, не приходилось даже сомневаться.

Она не могла усидеть на месте и порхала перед Лидией и Эвелин, откровенно красуясь в своем новом вечернем платье из зеленого тюля, которое вздымалось волной чуть ниже тоненькой талии и скорее подчеркивало, нежели скрывало изящные и гибкие линии девичьей фигурки.

Она отправилась обедать с молодым человеком в ресторан, оставив Лидию и Эвелин в гостинице, где все трое остановились.

После трех дней суматохи и лихорадочной спешки Лидия с нетерпением ожидала спокойного вечера, когда можно будет пораньше лечь и если не выспаться, то хотя бы немного отдохнуть.

В последние несколько дней у нее возникли проблемы со сном. Она была настолько возбуждена стремительной чередой событий, что иногда ей начинало казаться, что все это происходит не с ней, человеком спокойным и чуждым романтики, а с кем-то другим, неким незнакомым ей существом.

С того момента, как миссис Маршалл познакомила их с Энн в «Фор Эрроуз», у нее не было ни минуты покоя. Энн прибыла в дом Эвелин с известием, что через неделю собирается отправиться морем в Каир, с сопровождающим или одна.

К счастью, она сразу же прониклась к Лидии симпатией, что избавило Эвелин от необходимости возражать столь смелому, если не опрометчивому, решению. А возражений было явно не избежать, подвернись Энн хотя бы малая возможность ехать в Египет одной.

Хотя ей исполнилось восемнадцать, мягкие, как пух, белокурые волосы и огромные светло-голубые глаза придавали Энн Таверель более юный вид, и лишь ярко-красная губная помада и столь же броский лак на ногтях заставили бы стороннего наблюдателя прийти к выводу, что перед ним уже отнюдь не юная школьница.

Впрочем, достаточно было провести в обществе Энн совсем немного времени, чтобы понять: эта юная особа привлекательна, обладает очаровательными манерами и даром влюблять в себя большинство людей, с которыми ей приходится встречаться, а также то, что, помимо природной импульсивности, излишним интеллектом она не обременена.

Подобно ее матери, поступками Энн руководил не разум, а чувства, и очень скоро Лидия поймала себя на том, что ей не терпится узнать, что произойдет, если новая знакомая всецело отдастся во власть собственным порывам.

В данный момент ее приводило в восторг и откровенно льстило – однако нисколько не удивляло – внимание со стороны десятка, а то и более молодых людей, которые, если подобное сравнение уместно, вились вокруг нее, как мотыльки вокруг горящей свечи.

– По сути, она все еще большой ребенок, – как-то раз обронила в присутствии Лидии Эвелин.

В ее тоне Лидия уловила плохо скрытую тревогу. Было ясно, что миссис Маршалл беспокоит будущее обворожительной малышки Энн.

Весь день, не умолкая, трезвонил телефон. Прислуга сбилась с ног, принося записки и букеты, объявляя о приходе молодых джентльменов, которые готовы были часами дожидаться минуты, когда Энн наконец удостоит их вниманием.

Когда же Энн во всеуслышание объявила, что намерена отправиться в Каир уже в следующий вторник, более того, она уже известила мать о своем приезде телеграммой, Эвелин восприняла это известие с улыбкой и предложила сосредоточить общие усилия на подготовке к отъезду.

– Вы просто прелесть! – воскликнула Энн, заключив ее в объятия. – Не знаю, что бы я делала без вас, тетя Эвелин! Неужели никто в радиусе пятидесяти миль не говорит вам об этом по меньшей мере семь раз в неделю?

– Конечно, очень легко польстить, когда ты наконец добила своего, – с улыбкой отозвалась Эвелин. Эти слова могли бы прозвучать укоризненно, если бы не теплота, с которой они были произнесены.

– Лидия, а ты что скажешь? – спросила будущую компаньонку Энн. – Успеешь собраться ко вторнику?

– Вполне, – ответила Лидия. – Мне и собирать-то особенно нечего.

– Нечего, – эхом повторила Эвелин с легким укором в голосе. – Моя дорогая Лидия, ты ведь не собираешься ехать в Каир совсем без одежды?

– Нет, конечно же, разумеется, нет, – бесхитростно ответила Лидия.

Она уже так давно привыкла обходиться тем скромным гардеробом, который у нее имелся, что забыла, как важна одежда и насколько значительную роль играет она в жизни любой женщины.

– Завтра мы отправляемся в Лондон, – решительно объявила миссис Маршалл.

Лидия в знак согласия кивнула, а Эвелин, взяв бумагу и карандаш, принялась составлять список необходимых покупок. Спустя полчаса Лидия взмолилась:

– Но это же смешно, Эвелин. Я буду вынуждена отказаться от места компаньонки, если для этого требуется так много всего. Да и времени уже нет, чтобы успеть приобрести все эти вещи. И самое главное, у меня точно не хватит денег за все это заплатить.

– А вот это уже моя забота, – с улыбкой возразила старшая подруга. – Это будет мой подарок тебе, своего рода приданое, которое поможет тебе начать новую жизнь.

– Даже слышать об этом не хочу, – заупрямилась Лидия. – Это очень любезно с вашей стороны, однако я не могу принять такой щедрый подарок.

– С каких это пор ты сделалась такой гордячкой? – удивилась Эвелин. – Моя дорогая, в течение семи лет я была лишена твоего общества и удовольствия делать тебе подарки. То, что мне следовало тебе подарить, за это время копилось, как на банковском счету, а теперь настало время одним махом восполнить то, что так долго откладывалось. Ты едешь в Каир, и это сказочная возможность, которая – как знать – может, больше и не представится. И если ты думаешь, что я посмею отправить Энн к Маргарет и Джеральду в обществе компаньонки, которая одета как огородное пугало, ты очень заблуждаешься. Приходится думать и о собственной репутации, ведь они знают, что к ним приедет моя близкая подруга. Так что нам обеим никак нельзя ударить в грязь лицом.

В словах явственно слышалась ирония Эвелин, но Лидия так и не сумела выдавить из себя улыбки и разделить веселое настроение миссис Маршалл. Наоборот, на глаза накатили слезы, в горле застрял комок – столь неожиданным оказалось для нее это проявление искренней доброты и щедрости со стороны старшей подруги.

Лидия попыталась выдавить из себя слова благодарности, но Эвелин не дала ей договорить и принялась дополнять список необходимых вещей, который с каждой минутой становился все длиннее.

После двух дней в Лондоне Лидия пришла к выводу, что, если она возьмет в Каир столько одежды и аксессуаров, одного только веса ее багажа будет достаточно, чтобы корабль затонул еще при выходе из порта.

Долгие часы примерок и подгонки одежды в переполненных покупателями магазинах, шум и толчея на городских улицах совершенно измотали ее – и это при том, что новизна столицы вызвала у нее легкое и, в общем, приятное головокружение.

Опытные руки лондонского парикмахера совершенно преобразили ее, новомодная стрижка, несмотря на изысканную простоту, подошла ей идеально.

– Тетя Эвелин, она станет первой красавицей Каира! – с восторгом воскликнула Энн, когда они вернулись в отель.

– И это вылечит тебя от твоего зазнайства, – с насмешкой ответила на это Эвелин.

Вряд ли можно было найти двух других столь непохожих друг на друга женщин, как Энн и Лидия. Красота Энн была подобна красоте бутона прелестной розы. Ее свежесть и грацию превосходно подчеркивали и элегантное вечернее платье из невесомого тюля, и муслиновое платьице в цветочек, дополненное широкополой шляпкой с лентами и цветами.

Облегающие платья из тяжелого крепа и бархата, выгодно подчеркивавшие женственную фигуру Лидии, придавали ей величавость и несомненный шик, трудно поддающиеся описанию, но явственно ощутимые.

Каждый новый день счастья и маленьких приключений, которыми теперь была наполнена ее жизнь, дарил новую красоту ее лицу, и если в целом Лидия казалась чуть старше своего возраста, глаза ее тем не менее излучали яркий и юный блеск.

– Порой мне кажется, это какой-то сон, – по сто раз на дню признавалась она Эвелин.

Глава 4

Лишь когда путешествие началось, Лидия со всей отчетливостью поняла, сколь многого требует от нее новая работа.

Последние хлопоты, связанные с выездом из отеля и посадкой на поезд, необходимость присматривать за багажом, давать чаевые носильщикам – все эти заботы легли на ее плечи.

Когда же, войдя в спальню Энн, она обнаружила свою подопечную еще не одетой и не готовой отправляться на вокзал, то окончательно сделала вывод, что ей и дальше придется иметь дело с существом, абсолютно неорганизованным и не способным следить за собой и своими вещами. Энн совершенно не интересовали бытовые мелочи.

Зато она продолжала радовать окружающий мир своей красотой. При этом не только ухитрялась неизбежно всюду опаздывать, отчего Лидия пребывала в неизменном беспокойстве, но и вечно забывала, куда положила то билеты, то бумажник, то, наконец, сумочку.

Если бы не Эвелин, имевшая привычку сохранять рассудительность в любых обстоятельствах, они бы ни за что не выехали в Каир в назначенный срок.

От лихорадочной спешки Лидия запыхалась и выбилась из сил, однако каким-то чудом они с ее взбалмошной подопечной успели на поезд – разумеется, в самый последний момент. Вагонная дверь закрылась, и состав тронулся.

– Уверена, мы что-нибудь забыли, – заявила Энн, снимая с белокурых локонов мягкую фетровую шляпку, и, достав карманное зеркальце, кокетливо в него посмотрелась.

«Если это действительно так, это исключительно твоя вина», – Лидию так и подмывало произнести эти слова. Однако Энн была сама непосредственностью, и колкость так и не слетела с ее языка. Вместо этого Лидия улыбнулась.

– Надеюсь, ты помнишь, – сказала она, – что твой дорожный несессер собирался в страшной спешке, пришлось наспех побросать туда самое необходимое. Не исключено, что все флаконы побились.

Энн лишь пожала плечами.

– Я легла спать около трех ночи, – призналась она. – И потому не выспалась и чувствую себя совершенно разбитой. У меня просто не было сил встать с постели.

– По правде говоря, следовало бы рассердиться на тебя, – все-таки не удержалась от упрека Лидия. – Опоздай мы на этот поезд, наверняка в спальном вагоне мест бы не нашлось, и тогда до самого Марсея ехали бы в сидячем. Кроме того, был риск опоздать на пароход.

– Но не опоздали же, – с невинным видом возразила Энн. – Так что не читай мне нотаций, я все равно не стану их слушать.

Последнюю фразу она произнесла с улыбкой, и Лидия поняла: роль компаньонки и наставницы вряд ли будет легкой.

Не успело путешествие толком начаться, как Лидия обнаружила, что ее спутница по своему представляет, как скрасить скуку долгой поездки по железной дороге. Энн внимательно наблюдала за пассажирами, ехавшими до Дувра, и когда они прибыли в порт, заявила:

– Хочу пройтись по палубе и посмотреть, кто плывет вместе с нами.

С этими словами она оставила Лидию в каюте одну. Впрочем, та была ей только признательна – наконец представилась возможность прилечь и хотя бы на время сомкнуть глаза, и вовсе не из-за морской болезни – день стоял безветренный, и качки не было, – она просто не выспалась.

Прошлой ночью Лидия практически не сомкнула глаз, а в семь утра пришлось уже начинать укладывать чемоданы, после чего она всеми силами пыталась избежать неминуемой спешки перед самым выходом из гостиницы.

Энн отсутствовала довольно долго, Лидия проснулась буквально за минуту до того, как они причалили в Кале, и с чувством вины обнаружила, что по-прежнему в каюте одна.

Лидия надела шляпку и посмотрелась в висевшее на стене зеркало. Как хорошо, удовлетворенно подумала она, что сон и отдых уничтожили следы усталости и теперь она выглядит посвежевшей и помолодевшей.

Лидия отправилась на поиски Энн и нашла ее на наветренной стороне судна. Ее подопечная стояла, опершись о перила, и увлеченно беседовала с каким-то высоким симпатичным мужчиной.

Лидия замешкалась, раздумывая, стоит ли подходить, но в следующее мгновение Энн обернулась и заметила ее.

– Ты меня ищешь? – спросила она с невинным видом.

– Через несколько минут прибываем, – сообщила ей Лидия.

Возникла короткая пауза. Лидия надеялась, что Энн представит ее своему собеседнику. К ее великому удивлению, та лишь подошла к ней и, взяв за руку, сказала:

– Сейчас приду и помогу собрать вещи! – и, повернувшись к мужчине, добавила: – Увидимся в поезде, договорились?

– Конечно, – последовал ответ. – До встречи.

– Как мило, что ты уже успела с кем-то подружиться, – заметила Лидия, когда они остались вдвоем. – Кто это?

– Понятия не имею! – бесхитростно призналась спутница.

– Энн! Ты хочешь сказать, что не была знакома с этим человеком раньше? – ахнула Лидия.

– Естественно, нет, – последовал ответ. – Мы просто разговорились, точнее, он заговорил первым, я что-то ответила. В конце концов, путешествия – единственный способ законно знакомиться с мужчинами.

Она произнесла это с таким ангельским спокойствием и уверенностью в собственной правоте, что у Лидии не нашлось слов, чтобы выразить свое возмущение.

– Очень сомневаюсь, что твоя мать одобрила бы такое поведение, – только и смогла вымолвить она.

– Придется спросить об этом ее саму, – жизнерадостно отозвалась Энн, – но только не рассчитывай, что ей это будет интересно. В наше время любой человек может общаться с кем хочет, не спрашивая ни у кого разрешения.

– А по-моему, это неразумно и весьма рискованно, – возразила Лидия.

Энн в ответ лишь рассмеялась.

– Дорогая! – сказала она. – Ты чересчур старомодна. Прошу тебя, не делай трагедии из пустяков!

Лидия промолчала. Достойный ответ никак в голову не приходил, и она корила себя, что плохо играет роль строгой наставницы для юной вертихвостки.

И в поезде, когда в их купе заглянул тот незнакомец и очень вежливо спросил разрешения выпить с ними чаю, вместо того чтобы решительно ему отказать, она в очередной раз проявила себя безвольной и мягкотелой.

Энн, напоминала она себе, – богатая наследница, обладает определенным общественным положением, и она, как компаньонка этого, по сути, большого ребенка, обязана не допускать подобных случайных знакомств. А с другой стороны, что ей было сделать? Не устраивать же истерику на глазах незнакомого молодого человека. Это было бы унижительно и для него, и для Энн, и для нее самой.

К тому же этот симпатичный брюнет показался ей довольно безобидным. По его словам, он направлялся в Париж по делам, правда, не счел нужным уточнить, какого рода.

Так что они с Энн беззаботно болтали на самые разные темы, и, когда покончили с трапезой, собеседник настоял, чтобы заплатить за всех троих.

Битый час Лидия пыталась успокоить свои страхи. В конце концов ей удалось убедить себя, что после Парижа они навсегда расстанутся с этим человеком и вряд ли когда-нибудь встретятся еще. Однако вскоре она услышала, как попутчик с Энн обменялись адресами и договорились написать друг другу.

– Обязательно напишите мне о ваших впечатлениях от Каира. Непременно напишите, – говорил незнакомец. – Я был там в последний раз несколько лет назад, однако до сих пор сохранил об этом городе самые приятные воспоминания.

– Почему бы вам снова туда не поехать? – невинно поинтересовалась Энн, бросив на своего собеседника лукавый взгляд.

– Я обдумую ваше предложение самым серьезным образом, – пообещал тот.

Это были не совсем подходящие случаю слова, однако взгляды, которыми они обменялись, говорили намного больше.

«О господи, с этим все-таки что-то нужно делать», – в ужасе подумала Лидия и искренне пожалела, что тут нет Эвелин.

– Через полчаса мы будем в Париже, – сказала она. – Ваше место далеко от нас, мистер... э-э-э?... – И после короткой паузы добавила: – Боюсь, я не расслышала вашего имени.

– Гендерсон, – представился тот. – Ангус Гендерсон. Пожалуй, уже действительно пора вернуться на мое место, но у меня возникла прекрасная мысль, очень надеюсь, что вы согласитесь на мое предложение.

– И что же это? – полюбопытствовала Энн.

– Вам предстоит провести в Париже два-три часа до пересадки на другой поезд, который уходит с Лионского вокзала. Как насчет того, чтобы встретиться в баре отеля «Ритц» и выпить по коктейлю?

– Боюсь, мы собирались провести это время иначе, – решительно заявила Лидия, прежде чем Энн успела сказать хоть слово. – Тем не менее спасибо за предложение...

– Ерунда! – перебила Энн. – Нет у нас никаких других планов, и ты, Лидия, прекрасно это знаешь! Мы с удовольствием составим вам компанию, – пообещала она Ангусу Гендерсону. – Наверное, придется взять два такси, багажа слишком много. Но мы все равно приедем в «Ритц».

– Значит, договорились, – подытожил Гендерсон, стараясь не смотреть на Лидию.

Когда он вышел из купе, обе какое-то время молчали. Первой тишину нарушила Лидия.

– Мне кажется, что ты совершаешь ошибку, – начала она, тщательно подбирая слова. – Мы ничего не знаем об этом молодом человеке, поэтому не стоит принимать его приглашение.

– Если бы мы встретились с ним где-нибудь на танцах, – возразила Энн, – нас кое-как, на ходу, представили бы друг другу, однако ты вряд ли стала бы поднимать шум из-за такого пустяка, хотя мы знали бы о нем ничуть не больше.

– Тем не менее, – не сдавалась Лидия, – мне не кажется, что ты правильно себя ведешь.

– Отлично, – ответила Энн. – Тогда я поеду туда одна и выпью с ним по коктейлю. А ты можешь и не ходить.

– Не говори глупостей, – резко возразила Лидия, – ты прекрасно знаешь, что я не отпущу тебя одну.

– Тогда пойдем вместе, – стояла на своем Энн, – и прекрасно проведем время. Так что не порти мне настроение.

«Даже не знаю, как быть», – говорила себе Лидия, пока они ехали в отель «Ритц».

Ей было очевидно, что в таком настроении ей ни за что не справиться с этой взбалмошной упрямцей. Да что там! – просто взять под контроль ситуацию, какую раньше она даже не могла себе представить. Было нечто унижительное в том, что она позволяет помыкать собой – и кому? – восемнадцатилетней девчонке!

Приехав в «Ритц», они увидели, что Ангус Гендерсон уже поджидает их в компании еще одного мужчины, которого он представил как майора Гарольда Тейлора.

– Я только что случайно встретил здесь Гарольда, – сообщил он. – И как вы думаете, куда он едет? В Каир! Сегодня вечером и тем же поездом, что и вы.

– Очень мило, – прокомментировала эту новость Энн, бросив лукавый взгляд на свою спутницу, чтобы проверить, как та отреагирует на это известие.

Но Лидия решила, что на этот раз не станет вступать в препирательства с Энн. Приветливо улыбнувшись Ангусу и его другу, она приняла предложенный коктейль с шампанским.

Майор Тейлор был старше Гендерсона. Судя по внешности, он не один год провел в тропиках. У него был негромкий голос и склонность к несколько язвительной ироничности. Слушая его шутки, Лидия даже пару раз не удержалась от смеха. Вскоре она поймала себя на том, что ей определенно нравится этот джентльмен, а сама она рада тому, что, по всей вероятности, это их не последняя встреча.

Энн с Ангусом подшучивали друг над другом и без стеснения флиртовали, не нуждаясь в обществе ни Лидии, ни майора Тейлора. Неудивительно, что скоро между ними завязался довольно откровенный разговор. Лидия призналась майору, что это ее первая поездка за границу.

– Вы намерены долго пробыть в Каире? – любопытствовал Тейлор.

– Это во многом зависит от мисс Таверель, – ответила Лидия.

– Таверель! – воскликнул Тейлор. – Я сначала не разобрал имя вашей спутницы. Она имеет какое-то отношение к Маргарет Таверель, жене Джеральда Карлтона?

– Она ее дочь.

– О боже! Падчерица Джеральда. Невероятно! Он, несомненно, будет...

Майор Тейлор не договорил, будто опасаясь, что его слова могут показаться Лидии бестактными.

– Простите, что вы хотели сказать? – уточнила Лидия, сгорая от любопытства.

– Я просто до крайней степени удивлен, только и всего, – ушел от ответа Тейлор.

Теперь он смотрел на Лидию с новым интересом.

– Вы знакомы с мистером Карлтоном и его женой? – в свою очередь спросила Лидия.

– Живя в Каире, нельзя не знать Джеральда Карлтона, – последовал ответ. Спустя секунду майор Тейлор добавил: – Представить себе не могу, что вы станете новыми членами этого семейства.

– Почему бы и нет? – довольно резко спросила Лидия. Несмотря на невинный характер его слов, в них слышалось что-то пугающее, что-то недосказанное.

– О чем вы тут беседуете? – неожиданно вмешалась в разговор Энн.

– Оказывается, майор Тейлор знаком с твоей матерью и отчимом, – объяснила Лидия.

– О, как здорово! – воскликнула та. – Прошу вас, расскажите о них. Я их совершенно не знаю. Полагаю, Лидия уже поведала вам мою историю.

– Не знаете? – удивился Тейлор и посмотрел на Лидию, а затем снова на Энн. – Пожалуй, это будет настоящий сюрприз.

– Дом или мои родители? – уточнила Энн. – Или и то и другое?

Майор Тейлор рассмеялся.

– Наверное, я просто неудачно выразился, – сказал он. – Вот уж для кого это будет настоящим сюрпризом, так это, разумеется, для Джеральда. Готов биться об заклад, он знать не знает, что к нему направляются такие очаровательные особы.

Энн обменялась с ним еще парой фраз и вернулась к Ангусу Гендерсону. Лидию же услышанное заставило задуматься.

«Что бы это могло значить? – спрашивала она себя. – Что такого особенного в Джеральде Карлтоне?»

Глава 5

Гарольд Тейлор вел необычную жизнь, которая лишь усугубляла его замкнутость, если не сказать нелюдимость.

Но подобно тому, как красота некоторых женщин с годами становится интересней, чем в молодости, так и возраст майора Тейлора добавил ему мягкости и обаяния, каким он в юности не отличался.

Не исключено, что в ближайшие пять лет он будет командовать полком, в котором служит. И младшие по званию офицеры, и рядовые с радостью отнеслись бы к его повышению в чине, поскольку искренне в него верили, тем более что в последнее время резкий характер майора заметно смягчился, а сам он стал более сдержанным.

Женщины всегда играли в его жизни второстепенную роль, хотя многие из них были бы счастливы, прояви он к ним интерес. В Индии знакомые майора заключали пари, кто станет его первой избранницей, но все неизменно проигрывали.

Замкнутость Тейлора была обманчива, подобно рыцарским доспехам, скрывала истинную суть его натуры. Мало кому удавалось понять, что за внешней холодностью скрывается застенчивость школьника.

Сложившееся годами отношение майора к женщинам заставляло его искать идеал, ту, что сочетала бы в своем характере и материнскую доброту, которой он сам никогда не знал, и лелеемую в мужских мечтах нежность супруги.

Ночью, после того как Тейлор познакомился с Лидией, всю дорогу до Марселя он лежал в купе в спальном вагона, думая о ней и том доме, куда она направляется, и никак не мог уснуть.

Лидия также не сомкнула глаз. Дверь, соединявшая ее купе с купе Энн, была открыта, и ей было видно, что спутница спит под стук колес сном младенца.

– Я отлично сплю в поезде, – сообщила Энн, пока они раздевались.

– Тебе везет, – позавидовала Лидия.

– Наверное, благодаря чистой совести, – пошутила Энн и рассмеялась.

Лежа в постели и безуспешно пытаясь уснуть, Лидия задумалась о том, насколько чиста совесть ее юной спутницы.

Что Энн на самом деле думает о жизни, о самой себе, об аванюре, в которую втянула ее как свою компаньонку, о встрече с матерью, которую не видела с детства?

Ей снова вспомнился майор Тейлор и то, как он искренне удивился, узнав, что новые знакомые едут в гости в дом Джеральда Карлтона.

Спустя какое-то время ее все-таки сморил сон, но она ежечасно просыпалась. И всякий раз перед глазами вставало темное купе железнодорожного вагона, который, стуча колесами, то мчался с пугающей скоростью сквозь ночную тьму, то дергался при подъезде к очередной станции.

Наконец она забылась глубоким, тяжелым сном и пробудилась лишь на рассвете.

Через час они будут в Марселе. Энн уже проснулась и, отдернув занавеску и набросив на плечи теплый халат, сидя смотрела в вагонное окно.

«Какая она юная и свежая», – подумала Лидия, глядя на нее, и даже почувствовала к этой взбалмошной девчонке необъяснимую, трогательную нежность. Ей так хотелось надеяться, что на долю Энн никогда не выпадет таких страданий, которые извела она.

Неожиданно Лидия поймала себя на мысли, что впервые за последние годы по-настоящему вырвалась на свободу.

Почувствовав на себе ее взгляд, Энн повернула голову и улыбнулась.

– Как спалось? – поинтересовалась она.

– Почти не сомкнула глаз, – призналась Лидия, – но это не удивительно. Большинство людей плохо спит в поезде.

– Тут жутко холодно, – заявила Энн. – И ни единого лучика солнца!

– В Каире солнца будет хоть отбавляй, – заверила ее Лидия.

– В Каире! – эхом повторила Энн. – Да, наверное. Знаешь, Лидия, мне всегда хотелось побывать в Египте. Мне почему-то кажется, что в предыдущей жизни я была египтянкой.

Лидия рассмеялась.

– Но ты же абсолютно на нее не похожа! – воскликнула она.

– Все равно, – упорствовала Энн. – Я чувствую духовную близость с этой страной и ее народом. Не могу объяснить, но вот увидишь, как только я окажусь там, у меня сразу возникнет чувство, что я уже когда-то ходила по этой древней земле.

– Ну, если оно возникнет, – продолжила Лидия, не переставая улыбаться, – ты наверняка будешь считать, что была фараоном или его супругой. Я еще ни разу никого не встретила, кто помнил бы себя в прошлой жизни уборщицей или крестьянином. Все, разумеется, были исключительно царями, царицами или владыками Земли!

– Какая ты ужасная зануда! – надула губки Энн. – Если я узнаю себя в одной из древних усыпальниц, тебе я этого не скажу!

– Если ты была рабыней, работавшей на строительстве пирамиды, у тебя точно не было усыпальницы, – парировала Лидия.

Энн не удостоила эту колкость ответом и принялась одеваться.

Когда они подъехали к Марселю, бледное солнце уже заливало город своим светом, однако дул резкий, пронизывающий ветер, и путешественницы от всей души порадовались, что захватили теплые вещи. У Энн была легкая шубка, и она, подняв высокий воротник, закуталась в нее так, что виднелись лишь кончик носа и глаза.

«Какая она все-таки хорошенькая!» – подумала Лидия, наверное, уже в тысячный раз с тех пор, как началось путешествие, когда ее подопечная вышла на перрон, чтобы сказать «доброе утро» майору Тейлору.

Тот учтиво ответил ей, и Лидии невольно подумалось, не станет ли майор очередной жертвой юной ветреницы. И тотчас она поймала себя на том, что ей хочется, чтобы этого не случилось.

«Он слишком хорошо воспитан, – подумала она, – и слишком серьезен». Он никогда не станет с ней флиртовать, чтобы после выбросить ее из головы, как поступает со своими поклонниками сама Энн.

И все же не похоже, что улыбка Энн останется без ответа.

Каково же было ее удивление, когда, сев наконец на пароход, она обнаружила, что майор Тейлор старается держаться поближе к ней самой. Он принес ей книги и газеты, укутал теплым пледом плечи, когда она устроилась на палубе в шезлонге, глядя, как постепенно уменьшается, тает вдали и исчезает из вида берег. Майор молча присел рядом, и Лидия поймала себя на том, что ей приятно общество этого спокойного и деликатного человека. Интересно, о чем он сейчас думает?

За три дня их морского путешествия Энн ухитрилась познакомиться с огромным количеством пассажиров самого разного возраста, как старых, так и молодых.

И хотя среди пассажиров особенно интересных личностей не оказалось, Энн свела знакомство с наиболее яркими из них, и Лидия готова была держать пари, что по крайней мере один – владелец чайной плантации – вернется к себе на Цейлон с разбитым сердцем.

В Порт-Саид пароход прибыл с опозданием.

Когда, попрощавшись с новыми знакомыми, Лидия с Энн сошли на берег и сели в поезд, отправлявшийся в Каир, время уже приближалось к полудню.

На каирский вокзал они прибыли в шесть вечера. Обе ожидали, что их встретит Джеральд Карлтон.

Когда состав, шипя паром, остановился наконец у перрона, Энн высунулась в окно в надежде угадать, кто же в толпе встречающих – отчим.

– Как ты думаешь, это он? – спросила она, указывая на высокого мужчину с усиками и выправкой профессионального военного.

Майор Тейлор посмотрел в указанном направлении.

– Нет, это не ваш отчим, мисс, – сказал он. – Это служащий британского посольства. Славный малый, и, вне всяких сомнений, вы через пару дней с ним познакомитесь. У него репутация одного из самых завзятых сердцеедов в Каире.

– А вот этот? – Энн указала на другого и снова ошиблась. Когда они вышли наконец на перрон, Лидия поняла: никто их не встречает. И никакая машина, чтобы доставить на место, тоже не ждет.

Майор Тейлор, по всей видимости, был удивлен не меньше их, однако ничего не сказал, лишь предложил найти такси.

Лидия ответила согласием. От столь прохладного приема она испытывала неловкость и даже впала в уныние. Как странно, однако: они с Энн преодолели такое огромное расстояние, а Джеральд Карлтон даже не удосужился приехать на вокзал, чтобы встретить!

Как бы то ни было, она спокойно выслушала жалобы Энн. Более того, попыталась найти оправдания для незнакомого ей человека, отчима ее спутницы, хотя, честно говоря, ее доводы даже ей самой показались фальшивыми.

И все же сердце у нее замирало при мысли, что она в Каире! С непривычки удивляло, что на улице с трамваями и автомобилями может вдруг появиться верблюд с поклажей, которого ведет за собой босоногий мальчишка в тюрбане.

Женщины с закрытыми чадрой лицами о чем-то оживленно беседовали, шагая по улице в кожаных туфлях без каблучков. Лидия и Энн с любопытством глазели из окон такси, указывая друг дружке на далекие минареты, на запряженные волами повозки, на смуглых мужчин в ярких восточных одеждах.

– Эта часть города слишком современна, – разочарованно произнесла Энн. – Можно подумать, что мы на окраине Лондона или в каком-нибудь провинциальном английском городке.

Майор Тейлор рассмеялся.

– Подождите немного, скоро вы увидите Муски, местный базар, – возразил он юной спутнице. – Вот там вас ждет настоящий экзотический Восток!

– Надеюсь... – начала Энн, но, не договорив, воскликнула: – Это же Нил! Смотрите, Нил!

Они ехали по современному широкому мосту, который вел из города в Джезиру. Внизу, между поросшими зеленью берегами, неторопливо катила воды великая река, водная гладь ярко сверкала на солнце.

– Вот мы и на месте! – сообщил майор Тейлор, когда такси свернуло к широким воротам и, проехав по небольшой дорожке, окаймленной кустами и цветущими деревьями, остановилось перед дверью большого белого особняка. На стоянке уже было припарковано несколько автомобилей. Путешественники позвонили в дверной звонок, и спустя несколько секунд им открыл слуга в белых одеждах.

– До свидания! – попрощался майор Тейлор и протянул для рукопожатия руку.

– Но вы должны зайти вместе с нами! – запротестовала Энн.

– Нет, если позволите, не зайду, – отказался тот. – Нужно еще кое с кем повидаться, прежде чем я начну разбирать вещи. Так что передайте вашей матери мои извинения и скажите, что я на днях ей позвоню.

– До свидания! – сказала Лидия, протягивая майору руку.

Тейлор крепко ее пожал. Он ничего не сказал, но выражение его глаз заставило Лидию отвести взгляд. Она повернулась и быстро вошла в дом.

Они прошли вслед за слугой по скудно освещенному коридору и оказались в какой-то комнате. До их слуха донеслись смех и оживленные голоса. На мгновение Лидия и Энн смущенно застыли на пороге большого, заполненного людьми зала.

Огромные окна выходили на веранду. В дальнем конце виднелась стойка, у которой собралась группка мужчин и женщин, ожидавших, когда бармен в белой куртке смешает им коктейли.

Два или три человека, стоявшие у двери, прервали разговор, когда Энн и Лидия вошли, однако подходить не стали, лишь смерили любопытными взглядами.

Лидии показалась, что они с Энн простояли целую вечность, оглядываясь по сторонам, ожидая, когда с ними заговорят. Затем она услышала удивленное восклицание – его издал высокий мужчина, стоявший в дальнем конце комнаты. В следующее мгновение он уже решительным шагом шел в их сторону.

– Боже мой! – воскликнул он. – Сегодня среда, и я снова перепутал день!

Он подошел к Энн и протянул к ней руки.

– Ты ведь Энн, я не ошибся? – спросил он. – А я ожидал тебя завтра. Должно быть, совсем сошел с ума. Простишь ли ты когда-нибудь, что я не встретил тебя на вокзале?

– Да, я – Энн, – быстро ответила девушка. К ней сразу вернулось самообладание, и она была несказанно рада, что наконец привлекла внимание окружающих. – И мы порядком на вас разозлились!

– О, не надо так говорить! – взмолился ее отчим. Затем протянул руку Лидии. – Миссис Брайант, надеюсь, хотя бы вы не сердитесь на меня? – учтиво проговорил он.

Лидия внимательно посмотрела на него. Джеральд Карлтон был высок, светловолос, хорошо сложен и имел широкие плечи и фигуру атлета. Лицо загорелое, гладко выбритое, красивое. Голубые глаза, излучающие обаяние.

– Мы лишь немного расстроились, – ответила она.

– Где мама? – спросила Энн.

– Наверху, – ответил хозяин дома. – Она никогда не присутствует на вечерах, которые я... мы устраиваем. У нее от них вечно болит голова. Сама найдешь или тебя отвести?

– Сама найду, – быстро ответила Энн.

Лидия догадалась, что ее спутница хочет встретиться с матерью после долгой разлуки без свидетелей.

– Выпейте что-нибудь, миссис Брайант, – предложил Джеральд, подводя ее сквозь толпу гостей к стойке.

– Нет, спасибо. Ничего не нужно, – сказала Лидия. Джеральд Карлтон рассмеялся, явно удивленный ее отказом.

– Вы теперь на Востоке, придется научиться употреблять спиртное хотя бы на закате, если не в любое время суток, – пошутил он.

– Ну, кто сможет вас этому научить, как не Джеральд! – произнес женский голос. Его обладательница отделилась от толпы гостей и направилась к Лидии и Карлтону.

Это была невысокая блондинка с острым личиком и резким наигранным голосом.

– Нина, – представил ее Карлтон.

– Ну кто так знакомит людей! Действительно, Джеральд, ты мог бы для начала хотя бы попытаться произвести хорошее впечатление.

– Надеюсь, миссис Брайант скоро составит свое собственное, – отозвался Джеральд.

Нина протянула ему обе руки и произнесла подчеркнуто тихим, интимным тоном:

– Как пожелаешь!

Лидия смутилась. Было очевидно, что Нина без тени смущения заигрывает с Джеральдом Карлтоном и ее меньше всего волнует, что подумает о ней ее гостья, чье мнение, судя по всему, было для нее несущественным.

– Вы не будете возражать, если я пойду к себе в комнату? – спросила Лидия и сделала шаг к двери. – Я бы хотела умыться и переодеться после долгого путешествия.

Джеральд собрался возразить, но Нина его опередила.

– Не глупи, дорогой, – сказала она. – Бедняжка хочет припудрить носик! Зачем ей мешать? Тесса! – громко позвала она.

Из противоположного угла комнаты выбежала девочка лет восьми – светловолосая, с забавной мордашкой.

– Иду, мамочка!

– Отведи миссис Брайант в ее комнату, – велела мать, когда девочка подошла. – Я точно не знаю, какая именно, но Мохаммед покажет.

– Хорошо, – ответила Тесса и, повернувшись к Лидии, тоном взрослой женщины произнесла: – Собогазоволите следовать за мной!

Лидия улыбнулась. Интересно, какую власть имеет в доме мать этой смешной девчушки? И какое отношение она имеет к выбору комнат?

За дверью, где не слышалось шума гостей и куда не проникал сигаретный дым, Лидия облегченно вздохнула.

– Устали? – поинтересовалась Тесса, смерив ее пристальным взглядом.

– Немного, – призналась с улыбкой Лидия. – Здесь так много людей, верно?

Тесса пожала изящным плечиком.

– Здесь всегда много людей, – подтвердила она. – Мама любит общество. И Джеральд тоже.

– Вы с мамой тоже здесь живете? – спросила Лидия, но тотчас же спохватилась и мысленно себя выругала. Не стоило задавать ребенку подобный вопрос, но что поделать, любопытство взяло над ней верх.

– Сейчас да, мы живем здесь, – ответила Тесса, – и, наверное, проживем еще какое-то время, пока мамочке не надоест. Нам здесь неплохо, – добавила она после короткой паузы.

– Охотно верю, – ответила Лидия, слегка изумленная подобной откровенностью девочки.

Они поднялись по лестнице на квадратную лестничную площадку. Здесь Тесса открыла одну из дверей и провела Лидию в небольшую комнату, из окна которой открывался прекрасный вид на веранду с садом, спускавшимся к берегу Нила.

– Вот ваша комната, – сказала она. – Когда Мохаммед освободится, он принесет ваш багаж.

– Надеюсь, – ответила Лидия. – Хотелось бы поскорее достать несессер.

– Хорошо, сейчас вам его принесут, – сказала Тесса.

И прежде чем Лидия успела ее остановить, девочка выбежала на лестничную площадку и тоненьким голоском крикнула:

– Мохаммед, Мохаммед!

Откуда-то снизу отозвался мужской голос. Девочка принялась кричать снова.

– Мохаммед, – приказала она тоном, не терпящим возражений, – принеси багаж, причем немедленно! Слышишь? Немедленно!

Распорядившись, она вернулась в комнату.

– Сейчас принесет, – сообщила она.

– А тебе не кажется, что следовало бы добавить слово «пожалуйста»? – спросила Лидия. Ей показалось необходимым сделать замечание этому не по годам развитому ребенку.

– Но он же туземец, – удивилась Тесса. – Mamочка говорит, они как животные и чем больше их бьешь, тем лучше они работают.

– Но с животными такой номер не проходит! – резко возразила Лидия, но тут же взяла себя в руки, поняв, насколько бессмысленно спорить с ребенком о таких вещах.

Тесса невозмутимо села на кровать и посмотрела на свою старшую собеседницу широко раскрытыми глазами.

– Знаете, мне кажется, вам здесь не очень понравится, – изрекла она.

– Почему же? – удивилась Лидия.

– Точно не понравится, – решительно повторила девочка. – Мы вам не понравимся, да и вы моей мамочке не понравитесь. Вы слишком красивая!

Столь откровенных признаний Лидия никак не ожидала. Опешив, она поняла, что ей нечего сказать этому странному ребенку. Впрочем, уже в следующий миг она с облегчением услышала голос Энн и увидела, что та стоит на лестничной площадке.

– Я здесь, Энн! – позвала она. – Хочу умыться с дороги и переодеться. В таком виде, как у меня сейчас, на вечеринки не ходят.

– А я иду вниз, – сообщила Энн. – Мне там понравилось. Ой, кто это? – спросила она, заметив Тессу.

– Меня зовут Тесса, – сообщила девочка. – В данный момент мы с мамочкой проживаем в этом доме.

– Понятно, – отозвалась Энн. – А кто твоя мама?

Лидия давно хотела задать тот же самый вопрос.

– Моя мамочка – леди Хигли, – ответила Тесса. – Она разошлась с моим папой, и теперь мы с ней живем где хотим.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.